

Глава 1

Лондон, начало июня 1831 года

— Мистер Каннингем, по-моему, я достаточно ясно дал понять, что никоим образом не заинтересован в создании портрета дочери лорда Трегоннинга, — сообщил Джерард Реджиналд Деббингтон, элегантно растянувшийся в кресле курительной комнаты своего эксклюзивного мужского клуба. Немного помедлив, чтобы скрыть нарастающее раздражение, он пристально взглянул в глаза доверенного лица лорда Трегоннинга. — Я согласился на эту встречу в надежде, что лорд Трегоннинг, узнав о моем отказе писать портрет, все же согласился дать мне доступ в сады Хеллбор-Холла.

В конце концов он был самым модным художником-пейзажистом лондонского света; знаменитые сады лорда Трегоннинга давно жаждали визита такого человека, как он.

Каннингем побледнел, старательно откашлялся и опустил глаза в бумаги, разложенные на маленьком столике между ними.

Вокруг слышался негромкий гул голосов; Джерард успел заметить несколько взглядов, брошенных в их сторону. Остальные члены клуба видели его, но, заметив Каннингема, воздерживались подходить: очевидно, понимали, что ведутся деловые переговоры, которые не стоит прерывать.

Каннингему было лет двадцать пять: года на четыре моложе двадцатидевятилетнего Джерарда. Все в нем: скромная одежда, состоявшая из черного сюртука, белой сорочки и желтовато-коричневого жилета, круглое серьезное лицо и пристальное внимание к разложенным на столе бумагам — выдавало бизнес-агента или управляющего.

К тому времени как Каннингем осмелился заговорить, Джерард мысленно набросал рисунок, озаглавленный «Бизнес-агент за работой».

— Лорд Трегоннинг просил передать, что хотя он понимает ваши сомнения относительно согласия написать портрет особы, которую вы ни разу в жизни не видели, однако именно эти сомнения только подтверждают его убежденность в том, что именно вы — художник, способный достойно сделать эту работу. Его сиятельство прекрасно понимает, что только вы сумеете написать его дочь именно такой, какой видите, без всяких приукрашиваний. Именно этого он желает: чтобы портрет был точным отражением оригинала. Чтобы изображение мисс Трегоннинг, так сказать, дышало правдивостью.

Джерард поджал губы. Похоже, он ничего не добьется.

— Кроме предложенного гонорара, — продолжал Каннингем, не поднимая глаз, — вы можете располагать любым временем, вплоть до года, чтобы закончить портрет, и заодно получите полный, неограниченный доступ в сады Хеллбор-Холла вместе с разрешением рисовать там все, что пожелаете. Если хотите привезти в Хеллбор-Холл друга или компаньона, вас примут как дорогих гостей.

Джерард усилием воли подавил нарастающую злость. Ему совершенно ни к чему снова выслушивать эти предложения, как бы управляющий ни старался их подсластить. Он уже отказался от них две недели назад,

6   когда Каннингем впервые попросил о встрече.

Нетерпеливо шевельнувшись, он встретил взгляд Каннингема.

— Ваш хозяин не так меня понял: я никогда не пишу портретов за деньги. Живопись для меня — всего лишь любимое занятие, и я достаточно богат, чтобы писать ради собственного развлечения. А вот портреты... не более чем случайная прихоть, возможно, достаточно удавшаяся, но не особенно влекущая ни меня, ни мою душу живописца.

Последнее было не совсем правдиво, но в данных обстоятельствах достаточно правдоподобно.

— И хотя я с восторгом воспользовался бы возможностью написать сады Хеллбор-Холла, даже этот почти неодолимый соблазн не заставит меня согласиться на портрет, писать который я не имею ни склонности, ни нужды.

Каннингем молча воззрился на него. Подумал, опустил глаза, потом снова поднял и уставился в какую-то точку над левым плечом Джерарда.

— Его сиятельство просил уведомить вас, что это его последнее предложение... и если вы откажетесь, он будет вынужден найти другого художника, которому и будут изложены те же условия, особенно в отношении садов. Далее, лорд Трегоннинг обещал позаботиться о том, чтобы до конца его жизни и жизни всех наследников ни одному художнику не был разрешен доступ в сады Хеллбор-Холла.

Только железная воля позволила Джерарду остаться на месте. Какого дьявола задумал Трегоннинг? Неужели не остановится даже перед шантажом?

Джерард поспешно отвернулся.

Одно ясно: лорд Трегоннинг полон решимости вынудить его написать портрет дочери.

Опершись локтем о подлокотник кресла, он подпер подбородок кулаком и оглядел комнату

словно в поисках выхода из ловко расставленного капкана. Но на ум ничего не приходило: яростное неприятие мысли о каком-то бездарном портретисте, которому выпадет счастье стать единственным, кто зарисует сказочные пейзажи Хеллбор-Холла, мешало рассуждать здраво.

Наконец он обратился к Каннингему:

— Мне нужно более тщательно обдумать предложение его сиятельства.

Учитывая сухой тон и сдержанную манеру речи, не стоило удивляться, что Каннингем тщательно сохранял нейтральное выражение лица.

— Да, разумеется, — почтительно наклонил он голову. — И как долго...

— Двадцать четыре часа.

Если он позволит этой теме терзать его чуть дольше, значит, не найдя решения, просто сойдет с ума.

Джерард поднялся и протянул руку.

— Насколько я понял, вы остановились в «Камберленде»?

— Д-да, — рассеянно пробормотал Каннингем, вставая и собирая бумаги. — Я буду ждать.

Джерард коротко кивнул и продолжал сидеть, пока Каннингем не двинулся к выходу. Тогда он нехотя встал и проводил гостя. Но и сам не остался в клубе, а пошел прогуляться в Сент-Джеймс-парк, потом зашел в Грин-парк, свернул в Гайд-парк. И понял, что сделал неудачный выбор, когда, не пройдя и двух шагов, наткнулся на леди Суэйлдейл, горевшую желанием представить ему дочь и племянницу. И она оказалась не единственной. Целая толпа матрон, сопровождавших барышень с горящими глазами, одна за другой высовывались из экипажей в надежде привлечь его внимание. Остальные грациозно прохаживались по усыпанным гравием дорожкам.

Заметив свою тетку Минни, леди Беллами, 8 в экипаже, стоявшем у обочины, Джерард изви-

нился перед особенно прилипчивой любящей мамашей и под предлогом необходимости выразить свое почтение направился к экипажу, где немедленно схватил руку Минни и долго целовал.

— Припадаю к твоим ногам и умоляю меня спасти! — прошептал он.

Минни фыркнула, погладила его по плечу и, нагнувшись, подставила морщинистую щеку, которую тот послушно чмокнул.

— Если бы только ты сделал свой выбор, дорогой, они немедленно отстали бы и принялись донимать кого-то другого.

— Нет, не подумай, что мы тебя торопим! — Тиммс, компаньонка Минни, подалась вперед и тоже протянула руку Джерарду. — Но пока ты остаешься свободным, преследования не избежать.

Джерард скорчил делано унылую мину:

— И ты, Тиммс?

Тиммс только хмыкнула. Пусть с годами она становится все изможденнее, разум остается таким же ясным. Впрочем, и Минни тоже не промах: недаром взгляд у нее хоть и любящий, но на редкость пронизательный.

— Мальчик, судьба наградила тебя не только великолепным поместьем и помощью Кинстеров в финансовых делах, не говоря уже о том, что ты мой единственный наследник, так что тебе никуда не деться. Будь ты уродлив, как смертный грех, может, они еще и подумали бы, но ты красив, мало того, стал прославленным художником, и, следовательно, о таком зяте можно только мечтать. Так что трудно осуждать любящих маменек: они всего лишь заботятся о дочерях.

Джерард брезгливо поморщился.

— Я совершенно не уверен, что брак, по крайней мере в ближайшем будущем, послужит моим интересам.

Таковы были его искренние убеждения, которые, впрочем, он вряд ли осмелился бы разделить с кем-то еще, кроме тетки.

— Да неужели? — ахнула Минни, широко раскрыв глаза и вглядываясь в лицо племянника, после чего ее мягкая улыбка вернулась. — Я бы не стала тревожиться по этому поводу, дорогой, — посоветовала она, глядя его по руке. — Когда появится та, что предназначена тебе, все сразу станет ясно.

Тиммс торжественно кивнула:

— Совершенно верно. Нет смысла воображать, будто решение останется за тобой.

Но вопреки их уверениям он разволновался еще больше, хотя скрыл свои эмоции за улыбкой и, заметив компанию друзей, воспользовался возможностью удалиться. Попрощался с Минни и Тиммс и пересек газон.

Его окружили четверо джентльменов. Все были ему знакомы. Все, как и он, были завидными женихами. Они стояли немного поодаль, обозревая парк.

— Девчонка Кертисов довольно смазлива, верно?

Филипп Монтгомери поднес к глазам лорнет, чтобы лучше рассмотреть красавицу, прогуливавшуюся в обществе двух сестер.

— Если кто-то способен вынести ее хихиканье, — отозвался Элмор Стэндиш. — А вот девчонка Этерингтон — то что надо.

Джерард рассеянно прислушивался к их разговорам: он принадлежал к их кругу, и все же необычное хобби выделяло его, как бы отдаляя от остальных. И открывало глаза на правду, которую его приятелям еще предстояло увидеть.

Обменявшись с ними несколькими циничными репликами, он продолжал путь к относительной безопасности Кенсингтон-Гарденз. В этот час на усыпанных гравием дорожках гуляли только няни

и кормилицы со своими подопечными, весело резвившимися на газонах. Джентльменов почти не было видно; светские леди редко забредали сюда.

Джерард намеревался сосредоточиться на возмутительном предложении лорда Трегоннинга, но пронзительный детский визг отвлек его, направив мысли по совершенно иному пути.

Семья. Дети. Следующее поколение. Жена. Счастливый брак.

Все это, вероятно, со временем у него будет. Недаром эти понятия по-прежнему что-то говорили ему. Что-то для него значили. Он до сих пор мечтал о них. И все же по иронии судьбы, когда его живопись, особенно портреты, возвысила его настолько, что теперь он получил право выбора, именно тот талант, который и позволил ему создавать шедевры, открыл глаза и стал причиной постоянной настороженности.

Теперь он не спешил искать жену. Жениться. И особенно любить.

И очень не любил разговоров на эту тему: даже при мысли о любви ему становилось не по себе, словно этим он искушает судьбу. Однако все, что он наблюдал и осознал, рисуя свою сестру Пейшенс и ее мужа Вейна Кинстера, а позже и другие пары, которые ему позировали, все, на что он реагировал, все, что пытался передать на холсте, имело такую внутреннюю силу, что только слепой не увидел бы способности этой силы воздействовать на его жизнь. Повлиять на него. Отвлечь. Возможно, истощить ту созидательную энергию, необходимую, чтобы дать жизнь его работам.

Если он ей поддается...

Что будет, если он влюбится? Не иссякнет ли его талант? Станут ли любовь, брак по любви, как у сестры и стольких членов его большой семьи, неиссякаемым источником радости или гибелью для его творчества?

Рисуя, он вкладывал в картину всего себя, всю свою энергию, всю страсть; что, если он отдастся любви, которая навсегда искалечит его талант, иссушит живительные силы, питающие его творчество? И есть ли какая-то связь между тем пылом, что воспламеняет любовь, и тем, что поддерживает в нем божественный огонь? Или это совершенно разные вещи?

Он думал долго и мучительно, но так и не нашел решения. Живопись была неотъемлемой частью его самого: все его инстинкты, все эмоции восставали, протестуя против любого действия, способного лишить его любимого занятия, каким-то образом притушить талант к рисованию.

Поэтому он так боялся женитьбы. Поэтому старался избежать уз брака. Несмотря на мнение Тиммс, для себя он решил, что по крайней мере следующие несколько лет лучше всего будет забыть о любви и как можно дольше оттягивать поиски невесты.

Это решение, казалось, должно было восстановить душевное равновесие, но он все равно оставался неудовлетворенным. Не находил себе места. Не знал, как лучше поступить. Путь, выбранный им, казался неверным.

Однако он не видел другого разумного курса.

Наконец Джерард вернулся к реальности и обнаружил, что остановился и уставился на группу детей, играющих у пруда. Пальцы зудели: верный симптом потребности немедленно приступить к работе. Но при нем не было ни карандаша, ни альбома. Поэтому он простоял еще несколько минут, запоминая живописную сценку, прежде чем идти дальше.

На этот раз ему удалось задуматься над предложением лорда Трегоннинга. Взвесить все «за» и «против». Желания, инстинкты и едва сдерживаемые порывы терзали его, изводили так, что он, словно листок, болтавшийся на ветру, поворачивался то в одну, то

в другую сторону. Вернувшись к мосту через Серпантин, он остановился и стал подводить итоги.

Прошло три часа, а он ничего не достиг. Только лишний раз убедился, какую хитрую ловушку расставил Трегоннинг. Как хорошо он успел его узнать! Джерард не мог обсуждать подобное предложение с собратьями-художниками, а те, кто не занимался живописью, вряд ли поймут, какой соблазн мучил его.

Необходимо потолковать с тем, кто поймет.

Без нескольких минут пять он поднялся на крыльцо дома Вейна и Пейшенс Кинстер на Керзон-стрит. Пейшенс много лет заменяла ему мать: родители умерли, когда он был совсем маленьким. Когда она вышла за Вейна, Джерарда тепло приняли в семью Кинстеров, считали родственником и протеже Вейна. Именно под влиянием Кинстеров он стал тем, кем был сейчас, за что был им глубоко благодарен.

Его отца, Реджи, вряд ли кто-то назвал бы образцовым родителем, и Джерард был обязан Кинстерам не только финансовым успехом, но и своей элегантностью, непоколебимой уверенностью в себе и тем жестким высокомерием, которое отличало истинно светских джентльменов.

Дверь открыл Брэдшо, дворецкий Вейна. Расплывшись в улыбке, он заверил, что хозяева дома и в настоящее время находятся в задней гостиной.

Джерард знал, что это означает, и поэтому, вручив дворецкому трость, улыбнулся и жестом отпустил его.

— Я сам объявлю о себе.

— Как будет угодно, сэр, — поклонился Брэдшо, скрывая улыбку.

Подходя к гостиной, он услышал визг. Но стоило открыть дверь, как воцарилось молчание. Три головы дружно вскинулись, три осуждающих взгляда пригвоздили его к месту... но тут племянники

и племянница сообразили, кто осмелился помешать их играм, и набросились на дядюшку подобно демонам, испуская душераздирающие вопли.

Джерард, смеясь, поймал старшего, Кристофера, и перевернул вверх ногами. Кристофер радостно вопил, а Грегори прыгал на одной ножке, с хохотом заглядывая в лицо брата. К ним присоединилась Тереза. Джерард хорошенько потрянул Кристофера, поставил на пол и, рыча, как сказочное чудовище, раскинул руки и захватил сразу обоих младших. И только потом подошел к креслу у камина. Пейшенс, качавшая на коленях младшего сына, Мартина, снисходительно улыбнулась брату.

Вейн, прислонившись плечом к спинке кресла, ухмыльнулся: это он боролся с тремя старшими детьми, когда вошел Джерард.

— Что привело тебя к нам? Разумеется, не возможность остаться лысым в руках обитающих здесь монстров?

Кое-как отцепив пальцы Грегори и Терезы, намертво сомкнутые на его еще недавно аккуратно уложенных локонах, Джерард коротко усмехнулся:

— О, не знаю. — Он усадил парочку на кресло, самвтиснулся между ними и задумчиво заметил: — Есть в них нечто особенное, не находите?

Дети заворковали, воспользовавшись возможностью засыпать его историями о своих последних приключениях. Он внимательно слушал, как всегда, увлеченный их наивным, незамутненным мнением о самых обыденных событиях. Но и энергичные малыши потихоньку стали уставать. Мальчики прижались к нему; Тереза зевнула, соскользнула с кресла и забралась на колени к отцу.

Вейн чмокнул ее в макушку, уложил поудобнее и взглянул на Джерарда:

14 — Так что случилось? Ты ведь не зря пришел.

Джерард, откинувшись на спинку кресла, рассказал о предложении лорда Трегоннинга.

— Так что, как видишь, я в ловушке. Я решительно не желаю писать ее портрет. Его дочь, вне всякого сомнения, окажется типичной избалованной, легкомысленной дурочкой, которая разыгрывает из себя королеву своего медвежьего угла. Здесь нечего рисовать, кроме пустого эгоизма и себялюбия.

— А вдруг она не настолько плоха? — возразила Пейшенс.

— Вероятнее всего, еще хуже, чем я считаю, — тяжело вздохнул Джерард. — Я проклинаю тот день и час, когда позволил выставить портреты близнецов.

С самого начала он считал себя пейзажистом. И до сих пор продолжал считать пейзажную живопись своим истинным призванием. Но десять лет назад из чистого любопытства попробовал рисовать портреты семейных пар. Вейн и Пейшенс стали его первыми моделями; портрет сейчас висел над камином в гостиной в их кентском доме, где его видели лишь члены семьи. После первого Джерард написал еще несколько портретов родных и близких, но и они неизменно украшали комнаты, закрытые для посещения посторонних. И все же страсть к решению сложнейших задач по-прежнему его манила: в конце концов Джерард решил написать портреты близнецов Кинстер — Аманды, графини Декстер, и Амелии, виконтессы Калвертон, с сыновьями-первенцами на руках.

Портретам предназначалось оказаться в загородных домах, но те члены общества, которым посчастливилось увидеть их в Лондоне, подняли такой шум, что члены Королевской академии искусств умоляли, буквально умоляли позволить выставить работы на ежегодной выставке портретов. Внимание польстило Джерарду, он позволил себе сдаться. И до сих пор жалел об этом.

Вейн весело разглядывал шурина.